

Мужчины — существа исключительно визуальные.

Каждой женщине стоит заучить это правило как нерушимую истину. Оно станет вашим главным залогом семейного счастья, любви и заботы на всю оставшуюся жизнь.

А теперь послушайте одну короткую историю, которая наглядно это доказывает.

В самом центре города открылся необычный магазин брачных услуг для женщин. Любая желающая могла зайти туда и выбрать себе идеального мужа. У входа висела табличка с правилами: войти в магазин можно лишь однажды; в здании шесть этажей, и чем выше поднимаешься, тем лучше мужчины; на любом этапе можно сделать выбор и забрать мужа, но возвращаться на пройденные этажи строго запрещено — только на выход.

Одна женщина решила попытать счастья.

На дверях первого этажа висела табличка: «Первый этаж. Местные мужчины имеют постоянную работу». Женщина даже смотреть на них не стала и сразу поднялась выше.

На втором этаже красовалась надпись: «Второй этаж. Местные мужчины имеют работу и обожают детей». Она немного помешкала, но всё же пошла на третий.

Табличка на третьем гласила: «Третий этаж. Местные мужчины имеют работу, обожают детей и невероятно красивы». «Ого!» — восхитилась женщина, но переборола искушение и продолжила подъем.

На четвертом этаже её ждало новое искушение: «Четвертый этаж. Местные мужчины имеют работу, обожают детей, невероятно красивы и помогают по дому». «Боже, держите меня, я сейчас упаду в обморок!» — воскликнула она, но упрямо полезла на пятый.

Там было написано: «Пятый этаж. Местные мужчины имеют работу, обожают детей, безупречно красивы, помогают по дому и неисправимые романтики».

Женщине безумно захотелось остаться здесь, но предвкушение чего-то еще более грандиозного погнало её на самый верх.

На шестом этаже не оказалось ни одной двери. Лишь огромное электронное табло высвечивало бегущую строку: «Вы стали 31 456 021-й посетительницей этого этажа. Здесь нет мужчин. Этот этаж существует исключительно для того, чтобы доказать: угодить женщине абсолютно невозможно. Спасибо за визит!»

Вскоре на противоположной стороне улицы открылся точно такой же магазин для мужчин.

На первом этаже мужчины могли выбрать просто красивых женщин.

На втором — красивых и богатых...

И знаете что? Выше второго этажа ни один мужчина так ни разу и не поднялся.

В самом деле, чего еще желать, если женщина и хороша собой, и при деньгах? Так что раз и навсегда зарубите себе на носу: мужчины любят глазами. Расхожие глупости в духе «он ценит мою душу, а не внешность» — не более чем жалкое самовнушение уставших домохозяек.

Даже зрачки человека не умеют врать. Стоит нам увидеть что-то по-настоящему интересное, они расширяются сами собой. У мужчины при виде младенца зрачки увеличиваются всего на две десятые процента. При взгляде на красивый пейзаж они могут сузиться на целых семь процентов. Но стоит ему увидеть обнаженную красавицу, как его зрачки расширяются сразу на восемнадцать.

Помните: мужчина почти всегда влюбляется в облик женщины, а не в её душу. Иначе ветреность и легкомыслие не стали бы синонимами мужской природы.

Цюй Луньцзюнь был мужчиной. Самым что ни на есть типичным. В своё время он обратил внимание на Е Юаня исключительно из-за его внешности — холодной, высокомерной, изысканной. Редкая красота бьет без промаха, кем бы ни был её обладатель.

Теперь в этом теле жил Цин И. Суть изменилась, но облик остался прежним, и Цюй Луньцзюня тянуло к нему всё сильнее. Виной тому была открытая, солнечная улыбка юноши, которой у прежнего Е Юаня никогда не бывало. Из-за вечных сплетен и косых взглядов Е Юань привык подавлять свои эмоции, скрываясь под маской безразличия. Цин И же был совершенно другим.

Глядя на нынешнего Цин И — жизнерадостного, искреннего, — трудно было поверить, сколько мрака ему пришлось пережить в юности. В этом, несомненно, крылась огромная заслуга Цин Хао — ведь именно он целый год водил младшего брата к психотерапевту.

— Вот так? — Цин И, следуя указаниям Цюй Луньцзюня, уложил стрелу на направляющую, развернув ведущее перо к себе, и защелкнул хвостовик на тетиве. Подготовив всё к выстрелу, он повернулся и заметил, что принц отрешённо смотрит на мишень. — Ваше... Ваше высочество?

— А? — Цюй Луньцзюнь вздрогнул, возвращаясь к реальности. Понадобилось несколько секунд, чтобы осознать вопрос. — Да, всё верно. Именно так.

С чего вдруг он засмотрелся? Удивительно. Это лицо, это тело были ему знакомы до мельчайших черточек. Цюй Луньцзюнь не сомневался, что любит Е Юаня. Но в кого именно он был влюблен — во внешность или в душу? Мужчины редко забивают себе голову столь

сложными вопросами. Любишь — значит любишь.

И эта простая логика сейчас загнала его в тупик. Когда этот юноша стоял рядом, казалось, будто Юань-эр по-прежнему с ним. И в то же время — всё было иначе. У Юань-эр никогда не было такой лучезарной улыбки, такой чистой, детской радости на лице. И уж точно его глаза — обычно полные грусти и холода — никогда не светились такой живой, прозрачной глубиной.

Он прекрасно понимал, что душа в этом теле сменилась, что перед ним больше нет его возлюбленного. И всё же Цюй Луныцзюнь ничего не мог поделать с собой — этот легкий летний сквозняк по имени Цин И растрепал все его мысли.

Внезапная симпатия заставила принца усомниться: а существовала ли вообще его любовь к Е Юаню? «Нет, это невозможно. Я точно любил его», — твердил он себе, пытаясь унять смятение, но так и не находил объяснения тому, что чувствовал сейчас к Цин И. Если сначала он просто не мог смириться с потерей Е Юаня, то теперь... теперь он искренне не хотел, чтобы Цин И уходил.

Причина? Он и сам не знал. Это было странное, необъяснимое чувство.

— Указательный, средний и безымянный пальцы правой руки — на тетиву. Указательный чуть выше стрелы, остальные два — ниже.

Цюй Луныцзюнь направлял каждое его движение, касаясь ладоней Цин И. Точнее, ладоней Е Юаня. Это прикосновение, их тепло казались одновременно и до боли знакомыми, и совершенно чужими.

— При подъеме лука левое плечо должно быть опущено, — он мягко надавил на плечи юноши.

Они стояли так близко, что в лучах солнца Цюй Луныцзюнь мог разглядеть едва заметный пушок на мочке уха Цин И. Тонкий, едва уловимый аромат этого тела пробуждал в душе щемящую тоску, но в нём сквозило и нечто новое, неподвластное принцу.

— Локоть разверни внутрь. Толкай лук ложбинкой между большим и указательным пальцами левой руки. Зафиксируй. Это предварительное натяжение.

Стоя позади Цин И, Цюй Луныцзюнь со сложным чувством разглядывал его профиль. Сколько раз он видел эти длинные ресницы? Но почему сейчас они казались совсем другими? Да и эта прямая, гордая осанка... Да, они были разными. Е Юань казался хрупким и замкнутым, тогда как в Цин И, несмотря на то же тело, чувствовались уверенность и скрытая сила.

— Теперь левым плечом толкай лук вперед, а правым — тяни тетиву назад. Натягивай до тех пор, пока кисть не коснется челюсти. — Цюй Луныцзюнь накрыл ладонью лук, помогая натянуть тетиву.

«Нельзя так продолжать», — твердил он себе, но втайне надеялся на чудо. Они были слишком близко, и это могло всё испортить. Что же делать?

— Целься. Мушка должна сойтись с центром мишени.

— А теперь резко разожми пальцы. Выпускай!

Стрела с сухим свистом сорвалась с тетивы. Она не попала в самое яблочко, но прочно вонзилась в мишень. Цюй Луньцзюнь почувствовал, как этот выстрел окончательно запутал его мысли.

— Эх, мимо... — вздохнул Цин И, глядя на стрелу.

— Для первого раза отлично. Ты новичок, но при выпуске не дернул тетиву. У тебя определенно талант.

— О, вы мне льстите, — лукаво улыбнулся юноша.

— Потренируйся еще. Главное — следи за плавностью спуска и устойчивостью.

— Угу.

Принц отошел в сторону, давая себе передышку. Он делал вид, что наблюдает за тренировкой, но его мысли витали далеко отсюда.

Цин И тоже не терял времени даром, хоть со стороны и казалось, что он увлечен стрельбой.

Перешли ли действия Цюй Луньцзюня черту дозволенного? Он наложил на тетиву вторую стрелу. После вчерашнего вечера их можно было назвать хотя бы приятелями. Цин И прекрасно понимал, что творится в душе принца. В конце концов, это тело принадлежало Е Юаню, и путаницы было не избежать.

Пальцы легли на тетиву.

«Е Юань — это Е Юань, а я — это я. Через месяц я покину это поместье, и нас больше ничего не будет связывать. Пожалуй, стоит прояснить всё как можно раньше... Или не стоит?»

Лук натянулся.

Когда Цюй Луньцзюнь поправлял его стойку, Цин И стоял спиной, но кожей чувствовал его прерывистое дыхание. Эти прикосновения, казалось бы, вполне невинные, выдавали его с

головой. Цин И по биению чужого пульса ощущал всю бурю сомнений и противоречий, терзавших мужчину.

Флирт — штука опасная.

«Если он сможет промолчать, я тоже сделаю вид, что ничего не заметил. Ты молчишь, я притворяюсь дураком — такой формат отношений меня вполне устраивает. Но сможет ли Цюй Луныцзюнь сдержаться?»

Пальцы разжались. Стрела с красным оперением сорвалась с тетивы и с глухим стуком вонзилась точно в центр мишени.

К такой нежности легко привыкнуть. А это пугает.

В последнюю ночь лагеря Цин И долго ворочался, не в силах сомкнуть глаз. Дневная тренировка оставила в теле приятное возбуждение. Стоило подумать о том, что через три дня он сможет оседлать лошадь и устроить настоящую командную тактическую игру вроде старого доброго CS, как у него буквально чесались ладони. Ему отчаянно не хватало прежних времен, когда они с боевыми товарищами устраивали подобные матчи. Цин Хао тогда тоже часто играл с ними.

При мысли о брате на душу снова навалилась тяжелая тоска. В тесной палатке было темно, лишь сквозь щели в пологе пробивался слабый отсвет угасающего костра. Цин И посмотрел на свои ладони — на пальцах остались глубокие красные следы от тетивы.

«Когда мы были вместе, я только и думал о том, как сбежать. Ну вот, теперь я действительно ушел. Окончательно и бесповоротно. Но почему мне так его не хватает?»

Как бы он ни бежал, как бы ни скрывался, Цин Хао всегда находил его. Где-то в глубине души Цин И отчаянно нуждался в этой заботе. Ему хотелось знать, что в любое время и в любом месте за ним всегда будут следить любящие глаза. Этот мягкий взгляд, этот глубокий, бархатный голос, шепчущий его имя... Неужели он действительно всё это ненавидел? Нет. Просто он был слишком капризным. Слишком глупо растрачивал любовь брата, прячась за напускным упрямством.

Цин И тяжело вздохнул, поднялся и откинул полог палатки. Снаружи было тихо. Большинство людей уже спали, у костра дремали лишь несколько часовых. Оглядевшись, он не заметил Цюй Луныцзюня.

— Господин Е? — тихо окликнул его один из стражников.

— Всё в порядке, я просто... — Цин И махнул рукой в сторону редких деревьев у реки. — Не нужно идти за мной, я быстро.

— Слушаюсь.

Выйдя к реке, Цин И краем глаза заметил силуэт Цюй Луньцзюня. Принц стоял у самой воды, заложив руки за спину, и молча смотрел на серебристую рябь Багряной реки. О чём он думал в этот момент?

Цин И не собирался мешать ему. Он хотел тихо проскользнуть мимо, сделав вид, что ничего не заметил, но почему-то замер на месте, не в силах сделать ни шагу.

Цюй Луньцзюнь, как человек военный, мгновенно почуял чужое присутствие. Он обернулся и, увидев Цин И, негромко спросил:

— Тоже не спится?

«Не надо говорить со мной этим тоном!»

Цин И поджал губы, помешкал секунду, но всё же вышел из тени деревьев и встал рядом.

— Не думал, что Багряная река ночью выглядит такой...

— Всепрощающей.

— Да, пожалуй.

— С ней связана одна старая легенда. Хочешь послушать?

— Если только она не о сопливой любви под луной, — Цин И иронично приподнял бровь.

— Ха-ха, и да, и нет. Говорят, давным-давно на разных берегах Багряной реки стояли две деревни. Восточная была богатой и процветающей, там жили купцы да чиновники. Западная же — бедной, каменистой, люди в ней едва сводили концы с концами. Из-за такой пропасти в положении жители берегов почти не общались. Но однажды дочь знатного чиновника с восточного берега влюбилась в простого дровосека с западного. Тот часто носил дрова в её дом, так они и познакомились. Конечно, такая любовь была под запретом. Семья девушки грозила дровосеку расправой, запирала дочь под замок, но влюбленные всё равно находили способ встречаться тайком. В конце концов, родители решили выдать её замуж и отправить как можно дальше. Девушка оказалась не из робких: дождавшись ночи, она прихватила свои украшения и сбежала с любимым. Их поймали почти сразу. Она умоляла отца, грозилась покончить с собой, даже солгала, что носит под сердцем ребенка от дровосека. Чтобы избежать

позора, семье пришлось уступить. Но условие было жестким: она больше никогда не вернется на восточный берег.

— Какая банальная история, — заметил Цин И.

Цюй Луныцзюнь мягко улыбнулся и продолжил:

— Они построили хижину в горах. Жили бедно, но счастливо. Но вскоре пришла беда — великая засуха, которая длилась целый год. За засухой нагрянула саранча, начался страшный голод. Молодые супруги страдали вместе со всеми. Однажды мужу повезло отыскать в горах дикий сладкий картофель. Вне себя от радости, он побежал домой, чтобы разделить добычу с женой. Наступили сумерки, но её всё не было. Мужчина, не в силах терпеть терзающий желудок голод, разрезал клубень пополам и съел свою часть. Но этот крошечный кусок лишь сильнее раздразнил его аппетит. Он подумал: «Если бы жена была здесь, она наверняка отдала бы свою долю мне». И он отрезал половину от её половины — ту часть, которую, как он верил, она бы ему уступила. Жена всё не возвращалась. Оставался совсем маленький кусочек. Мужчина смотрел на него, сгорая от вожделения, и сам не заметил, как протянул руку. И едва он проглотил последний кусок, как в дверь вошла его жена. Она застала его в тот самый миг, когда он с жадностью доедал последние крохи их единственной еды.

— Эх... — тихо вздохнул Цин И. — И что было дальше? Они расстались?

— Да. Девушка ушла от него той же ночью. Перед уходом она лишь сказала: «Я пожертвовала всем, чтобы быть с тобой, а ты не смог оставить мне даже кусочка картофеля».

— Какая горькая ирония, — покачал головой Цин И. — Угрозы родителей, нищета, осуждение общества — ничто не смогло их сломить. А обычный кусок картофеля разрушил всё за секунду. Любовь возвышенна, но в то же время невероятно приземленна. Ради великого чувства можно жить и умирать, но настоящая любовь познается в бытовых мелочах.

— Верно... — тихо отозвался Цюй Луныцзюнь.

В серебристом свете луны его лицо казалось бледным и печальным.

— Послушай... — нарушил молчание Цин И. — Ты ведь не для того пришел к реке посреди ночи, чтобы грустить над этой детской сказкой?

— Ха-ха... А ты удивительно прямолинеен. Если бы я не знал твоего прошлого, ни за что бы не поверил, что тебе пришлось через столько пройти. С твоим-то легким характером.

— Такая красивая луна легко нагоняет тоску. Это из-за Е Юаня?

<http://bllate.org/book/20580/2141171>